

Внезапное слово благодарности обожгло уши Ся Сицина.

В его сердце есть что-то, что он хочет сказать, но он не знает, как это сказать.

Чжоу Цзихэн потряс его за плечи, толкнул его и обнял сзади, прижавшись грудью к его спине, немного подавшись вперёд:

— Хуанья оказывается, наш брат Сицин – старший мастер, я знал тебя давным-давно. С таким количеством денег я позволю тебе заботиться обо мне.

Каждый раз, когда Чжоу Цзихэн с насмешкой называл его своим брата, Ся Сицин после этого тыкал его локтём в живот:

— Я не могу позволить себе содержать вас, молодой господин Чжоу.

— Доступный по цене. – Чжоу Цзихэн поцеловал Ся Сицина сзади в затылок. — Тебе не нужны деньги, чтобы переспать со мной. Разве я не могу выложить деньги вверх ногами?

Ся Сицин повернул голову и поднял брови:

— Ты отпустишь меня, и я дам тебе денег.

Чжоу Цзихэн обхватил его лицо руками и неловко поцеловал в губы:

— Тогда я вывешу это вверх ногами. – Сказав это, он толкнул Ся Сицина за плечи и пошёл вперёд, пытаясь быстро сменить тему.

Я не знаю, когда он развеет эту идею.

Эта вилла не маленькая. Мебель внутри покрыта белой тканью. На первый взгляд, это означает, что здесь долгое время не было жильцов. Эта сцена напоминает Чжоу Цзихэну о том, как он впервые записал «Побег с небес» с Ся Сицином. Здесь также много мебели, покрытой белой тканью, великолепных и пустынных декораций...

— Я отведу тебя наверх на прогулку.

У Ся Сицина не было никаких эмоциональных взлетов и падений, когда он говорил, что немного обеспокоило Чжоу Цзихэна. Он уже достаточно знал Ся Сицина. Чем менее эмоциональным он был, тем глубже прятался.

Но всё, что Чжоу Цзихэн мог сделать, это крепко держать его за руку и сопровождать его.

Гостиная на втором этаже была поднята на высоту около четырёх метров, поэтому лестница тоже очень длинная. Справа находятся перила, а слева – книжный шкаф высотой во всю стену, который забит всевозможными книгами.

Ся Сицин шаг за шагом тащил Чжоу Цзихэна за руку и поднимался наверх. Увидев книжную полку рядом с собой, он сказал:

— Когда я был ребёнком, я сидел на этой лестнице и читал книги. Иногда я засыпал, прислонившись сюда, когда устал.

Как только он представил себе эту картину, уголки рта Чжоу Цзихэна бессознательно приподнялись.

Я действительно хочу увидеть его, когда он был ребёнком, он, должно быть, самый красивый и симпатичный ребёнок в классе.

Ся Сицин затащил Чжоу Цзихэна на второй этаж. На втором этаже есть глубокий коридор, похожий на художественный коридор в художественном музее. Он тёмно-бежевый. На противоположной стене по очереди висят десять картин. Пройдя через комнату посередине, Ся Сицин попытался открыть её. Когда он открыл дверь, она не была заперта. Он сам был немного удивлён и включил свет у двери комнаты.

— Это комната для коллекционирования моей матери.

Ся Сицин открыл дверь и встал у порога. Чжоу Цзихэн взглянул на неё. Это очень большая комната. Когда он вошёл, он обнаружил, что внутри всё ещё была одна. Там были всевозможные рамки для фотографий, покрытые тканью. Большая примерно такого же роста, как человек.

— Это всё картины?

— Да.

Ся Сицин кивнул, думая об открытии Художественного музея, о котором Си Хуэй рассказывал ему в прошлый раз. Ся Юнцай не забрал эти коллекции, так что он, вероятно, оставил их ему, но он не заботился настолько, чтобы попросить кого-то позаботиться о них, поэтому он просто поместил их в старый дом.

Кроме того, он так сильно ненавидит свою мать, и он так сильно ненавидит себя. Увидев эти картины, он, вероятно, не может дождаться, когда сожжёт их дочиста.

— Моя мать происходила из творческой семьи. Мой дедушка в молодости был известным скульптором, а моя бабушка была известной художницей маслом. Родившись в такой семье,

моя мать, естественно, стала коллекционером произведений искусства.

Ся Сицин небрежно развернул покрытую пылью ткань на картине.

— Она всю свою жизнь сожалела о том, что не смогла стать художницей. Нет, - горько улыбнулся Ся Сицин. — Жаль, но лучше сказать, что это обида. У неё нет таланта к живописи, и она много пробовала. Она была посредственностью в течение многих лет, но она может с первого взгляда определить качество картин, и она раскопала многих художников, которые в то время ещё не были знамениты.

Поскольку эта история продолжает развиваться, Чжоу Цзихэн уже может догадаться о дальнейшем:

— Итак, после того, как твоя мать родила тебя, она открыла в тебе талант.

Пальцы Ся Сицин нежно потерлись о рамку фотографии:

— Она только что нашла спасательный круг.

Также было найдено лекарство от смертельного яда.

Он похлопал себя по ладони и повернулся к другой картине:

— Она думала, что я унаследовал талант своих бабушки и дедушки из другого поколения, поэтому она заставляла меня учиться живописи с детства. В то время мне было всего четыре или пять лет. Я ничего не понимал. Меня запирали в маленькой комнате каждый день. А в комнате были только кисти и краски.

Он выглядит красочным, но на самом деле он серый.

— В то время я не хотел учиться и продолжал плакать, поэтому отругала меня и сказала что-то, чего я в то время не понимала. В то время её отношения с Ся Юнцаем также становились всё хуже и хуже, они ссорились и даже дрались каждый день.

Что касается этого так называемого отца, то его всё ещё нельзя назвать, поэтому вместо этого он может использовать только его имя.

В комнате для сбора пожертвований стоял необычный туалетный столик, и Ся Сицин мерными шагами подошёл к зеркалу, глядя на себя в зеркало так, словно был в оцепенении.

В глазах Чжоу Цзихэна, Ся Сицин всегда обладал особым темпераментом в своём теле. Это

было тонкое ощущение хрупкости. Когда он был тихим, это было похоже на кусок белого фарфора без каких-либо изъянов, красивый и хрупкий.

Но, как он сам сказал, даже если произведение искусства разбито, это тоже произведение искусства, и каждый его сломанный уголок сияет красотой.

— Почему они поженились? – Чжоу Цзихэн прислонился к дверному косяку.

Брак между миром искусства и миром бизнеса не редкость в этом кругу. Хотя люди в мире искусства часто высокого роста и не могут видеть бизнесменов, от которых пахнет медью, экономический фундамент определяет надстройку, и художественный круг, который тратит чрезвычайно много денег, незаменим для поддержки капитала.

— Нет, мой дедушка не может видеть Ся Юнцая в это время. – Ся Сицин посмотрел на туалетный столик. На нём не было косметики, но было много изысканных украшений размером с ладонь. Они должны были располагаться симметрично. Теперь я не знаю, как это получилось. Ся Сицин разложил их одно за другим. — Я слышал, что моя мать была полна решимости выйти замуж. По мнению Ся Юнцая, её мудрые глаза применимы только к произведениям искусства, и она слишком хорошо видит людей.

Сказав это, он обернулся и посмотрел на Чжоу Цзихэна, опершись на туалетный столик левой рукой:

— Подумай об этом, она гордая девушка в мире искусства. Никому нет до неё дела. Она отдала своё сердце мужчине и почти порвала со своей семьей. В результате, – Ся Сицин опустил голову и улыбнулся, — Наблюдая, как он одну за другой находит женщин на улице, каждая из которых не так хороша, как она сама.

Для человека, который от природы высокомерен, это равносильно казни Линчи.

— Когда она была беременна мной, моя мать вернулась в дом своей матери. Когда она вернулась, она случайно ворвалась к Ся Юнцаю и дикой женщине снаружи, которые возились в их спальне и застала секс в постели. – Ся Сицин пожал плечами. — Вероятно, в то время она всем сердцем ненавидела меня.

Он всегда произносил эти слова таким непринуждённым тоном, и Чжоу Цзихэн ничего не мог с ним поделать.

— Тогда... что произошло позже?

— Затем? – Ся Сицин вздохнул с облегчением. — Позже... она страдала от послеродовой депрессии, и вся её личность изменилась, но когда она была на улице, ей приходилось притворяться такой же достойной и великодушной, как раньше. После того, как она вернулась

домой, её снова избивали, и иногда у неё возникали проблемы с Ся Юнцаем. Мир перевернулся с ног на голову, иногда она обнимала меня и плакала, иногда била меня, как Ся Юнцай. – Он улыбнулся и указал на верх. — Несколько раз он стоял за перилами на верхнем этаже со мной на руках и говорил, что хочет довести меня до смерти.

Увидев, как он вот так улыбается, сердце Чжоу Цзихэна, казалось, что-то сильно кольнуло.

Он вышел вперёд, встал перед Ся Сицином, протянул руку, чтобы коснуться его лица, и Ся Сицин его избегал. Это прятание заставило сердце Чжоу Цзихэна чувствовать себя ещё более неудобно.

Но в следующую секунду Ся Сицин снова положил голову на плечо Чжоу Цзихэна и почти невыразимо вздохнул.

Чжоу Цзихэн коснулся его затылка и поцеловал Ся Сицина в макушку.

Он родился в счастливой семье, и он с трудом может представить, с чем столкнулся Ся Сицин. Люди всегда говорят, что они дают на себя и других, но в глазах Чжоу Цзихэна это не более чем пустые слова. Он никогда не испытывал этого лично. Так называемая эмпатия – не более чем прекрасный способ парализовать себе подобны. Это всего лишь слова.

— Теперь ты начинаешь жалеть меня? – Ся Сицин прислонился к нему, его голос был холоден, как тонкий слой льда. — Это только верхушка айсберга.

Ся Сицин был похожа на ребёнка-экстремала, постоянно бередил свои раны перед Чжоу Цзихэном, безжалостно бередил их, улыбаясь и говоря ему:

— Посмотри, это хорошо выглядит?

Неужели это насквозь прогнило?

Это пугает?

Чжоу Цзихэн нежно сжал его затылок:

— Должно быть, было бы ложью говорить, что это не жалко. – У его пальцев что-то вроде температуры глажения. — Ты мне так нравишься. Я чувствую себя жалко, даже если тебя поцарапает веточка. Тебе больно. Кто бы ни заставил меня быть таким человеком. Я буду сочувствовать людям, которым они не нравятся. – Он обнял Ся Сицина. — Ты мой любимый человек, ты сказал, что я не жалею тебя.

— В любом случае, ты логический гений. – Ся Сицин не стал с ним спорить.

Но когда он услышал, как Чжоу Цзихэн сказал это, ему внезапно не захотелось продолжать. Говорить ему об этих вещах было слишком жестоко по отношению к Чжоу Цзихэну.

— Мне очень любопытно, ты должна быть очень похожа на свою мать. — Чжоу Цзихэн сжал его подбородок рукой, поднял его лицо и нежно поцеловал в кончик носа.

На этот раз Ся Сицин больше не ругал его, он просто высвободился из его объятий и повёл его в номер. В комнате был шкаф. Ся Сицин открыл третий ящик и нашёл там фотографию.

Чжоу Цзихэн первоначально подумал, что это фотография матери Ся Сицина. Когда он передал её, оказалось, что это картина маслом, которая, казалось, была сделана на выставке.

На картине изображена сидящая женщина.

Её длинные черные волосы были зачесаны набок, лицо было красивым, манеры благородными, а на светлой шее красовалась цепочка блестящих жемчужных ожерелий.

Чего Чжоу Цзихэн не ожидал, так это того, что человек на картине был больше похож на Ся Сицина, больше чем он себе представлял.

— Если у тебя есть родинка на кончике носа, я верю, что это ты. — Чжоу Цзихэн почувствовал себя немного знакомым, но он чувствовал, что, конечно, он должен быть знаком с этим. Это было почти точно так же, как Ся Сицином. Он протянул руку, чтобы обнять Ся Сицина за плечо и по пути коснулся его уха. — Такой женщине есть чем гордиться.

Как будто у тебя тоже есть право гордиться.

Чжоу Цзихэн взял фотографию у него из рук, прищурился и пригляделся повнимательнее и обнаружил, что под фотографией есть маленькая этикетка с написанным на ней именем. На его лице было выражение удивления:

— Это ты нарисовал это?

— Да. — Глаза Ся Сицина уставились на картину на фотографии. — Это было написано, когда мне было пятнадцать лет, и это также была моя первая картина, выставленная на аукцион. К тому времени её не было уже пять лет, и я нарисовал всё это по памяти.

Независимо от того, насколько он несведущ в искусстве, Чжоу Цзихэн всё ещё может видеть нежность и любовь, скрытые между мазками кисти.

Хотя эта мать сделала так много вещей, которые причинили ему боль, в глазах Ся Сицина она всегда была его матерью.

— Почему это фотография? - Чжоу Цзихэн спросил. — Где сейчас эта картина?

Ся Сицин покачал головой:

— Я не знаю. Эту картину купил кто-то в галерее моей матери. Я попросил кого-нибудь навести о ней справки. Похоже, это был обычный коллекционер. Позже её перевезли и продали за границу. Позже я не смог её найти.

Как компетентный рассказчик, Ся Сицин подняла голову:

— Ты хочешь знать, как умерла моя мать?

Чжоу Цзихэн был захвачен врасплох, его взгляд смягчился.

Ся Сицин обвил руками его шею, и уголки его рта слегка приподнялись.

— Ничего страшного, просто скажи это, если хочешь это узнать.

— Ты кому-нибудь рассказывал об этих вещах?

— Я не из тех подонков, которые лишают других сочувствия так называемыми болезненными переживаниями. - Сказав это, он улыбнулся и снова покачал головой. — Ну, я подонки, но я подонки по своим способностям.

Сказав это, Чжоу Цзихэн ткнул Ся Сицина пальцами в лоб. Он улыбнулся, взял пальцы Чжоу Цзихэна и поднёс их ко рту, чтобы поцеловать.

Он действительно не хотел этого говорить.

Но другой стороной был Чжоу Цзихэн, и он не хотел этого скрывать. В конце концов, тот, у кого был такой опыт, должен был быть честным, чтобы у Чжоу Цзихэна мог быть выбор.

Выслушав это, он подумает, стоит ли принимать такого искалеченного человека.

— Сюй Цичэнь даже не знал. Он знал только, что раньше меня часто избивал Ся Юнцай. Скрыть это было невозможно. Он сидел со мной за одним столом. - Он дернул уголком рта. — Ся Юнцай никогда не бил меня по лицу из-за моего собственного лица, поэтому он сильно ударил меня по спине такой тонкой и длинной клюшкой для гольфа, связал меня и ударил, иначе я бы убежал.

Он сказал живо, с упрямым взглядом:

— После того, как я смог встать с постели после драки, мне всё равно придётся идти на урок. Однажды во время обеденного перерыва Сюй Цичэнь внезапно разбудил меня. – Говоря об этом, он внезапно рассмеялся. — Ты знаешь, у него обычно нет такого выражения лица, я могу сделать это сейчас.

Вспоминая паническое выражение его глаз в то время, – Ся Сицин подражал внешности Сюй Цичэня в то время.

— У тебя кровоточит спина, а твоя школьная форма испачкана.

— Тогда я не мог этого скрывать. Он был умён и сообразителен. Кого бы так избили в драке? – Ся Сицин вздохнул. — Но я всё равно не могу сказать ему ничего другого, иначе повседневная жизнь двух жалких людей вместе будет слишком горькой.

Сказав это, Ся Сицин улыбнулся, положил фотографию обратно в ящик, вывел Чжоу Цзихэна из комнаты для коллекционирования и прошёл по длинной галерее.

— Моя мать умерла от злоупотребления психоактивными веществами. – Ся Сицин, казалось, произнёс эти слова без напряжения. — Послеродовая депрессия продолжала усугубляться, и она каждый день принимала наркотики, чтобы сохранять приличия перед посторонними. Грубо говоря, она была похожа на ангела, когда была на улице, и стала сумасшедшей, когда вернулась домой. Она долгое время переключалась между этими двумя понятиями, а потом не смогла свободно менять свою роль. – Говоря об этом, он внезапно остановился, очень серьёзно посмотрел на лицо Чжоу Цзихэна сбоку и спросил. — Вы сказали, есть ли генетическая причина, по которой я могу так себя вести?

Сказав это, он тихо усмехнулся, держась за подлокотник и продолжая подниматься по лестнице.

Руки Чжоу Цзихэна были холодными.

Впервые он почувствовал, что его температура была такой маленькой и не стоила упоминания. Мог ли он согреть сердце Ся Сицина, опустошив его?

Он не уверен.

— Она вбила себе в голову построить художественный музей и назвала его в мою честь. В качестве подарка на мой десятый день рождения она специально приехала, чтобы пригласить французского кондитера превратить мой торт в скульптуру по образцу шедевра скульптуры «Материнская любовь» Маджухан Мохэ. Всё сделано достойно. – Поднявшись на последнюю ступеньку, Ся Сицин остановился, как будто ожидая Чжоу Цзихэна.

— И потом, этот художественный музей...

— Затем она умерла в день открытия художественного музея. — Ся Сицин продолжал идти вперёд без малейшей дрожи в голосе, — Она дернулась всем телом и упала передо мной и моим тортом.

Чжоу Цзихэн сделал шаг вперёд и взял его за руку. Кончики его пальцев были холодными, что было несовместимо с этой жаркой и влажной летней ночью.

— В то время я вообще ничего не почувствовал. Все были в такой панике. Я также сказал, что всё в порядке. Моя мама часто делает это дома. Через некоторое время с ней всё будет в порядке. — Ся Сицин сказал с улыбкой. — Значит, ей никогда не становилось лучше.

Ся Сицин остановился перед тёмно-синей дверью и молчал с полминуты.

— Я не съел ни кусочка этого торта. Жаль, что никто больше не испечёт для меня такой красивый торт.

На самом деле, это не для меня, это для неё самой.

Его рука взялась за дверную ручку, пальцы сжались, и он внезапно заколебался в тот момент, когда открыл её.

Чжоу Цзихэн почувствовал перемену в его эмоциях почти в одно мгновение. Его плечи затряслись, сотрясаясь всё сильнее, как у пациента, который был чем-то серьёзно болен, его тело начало выходить из-под контроля.

— В чём дело? — Он обнял Ся Сицина, его тон был немного неуверенным. — Это... что это за комната?

Ся Сицин опустил голову и крепко стиснул задние коренные зубы, чтобы его не так сильно трясло. Он думал, что легко сможет встретиться лицом к лицу с этим прошлым, думая, что это прошлое уже прошло, и этого было недостаточно, чтобы превратиться в кошмар, который мучил его.

Ящик Пандоры всегда должен быть открыт.

— Это моя комната.

Ся Сицин упорно трудился, чтобы преодолеть холодную войну. В тот момент, когда он попытался повернуть дверную ручку, тёплая и сухая ладонь накрыла его, и голос Чжоу Цзихэна тоже был тёплым, как молодой и мягкий ручеек воды, медленно стекающий, покрывая его слоем льда.

— Если ты действительно не можешь преодолеть это, всё в порядке. - Большой палец Чжоу Цзихэна, как всегда, нежно потёр тыльную сторону его ладони. — Я не могу этого вынести.

Мне невыносимо смотреть, как он испытывает боль, своими собственными глазами, это действительно больно для меня.

Ся Сицин тихо вздохнул и поджал губы.

— Нет, ты нужен мне. - Он поднял глаза, чтобы посмотреть на Чжоу Цзихэна. — Если тебя там не будет, я никогда не осмелюсь войти. Поскольку у вас хватает смелости позволить состоянию суперпозиции разрушиться. - Он приподнял уголок рта. — Я тоже могу.

Сказав это, Ся Сицин открыл дверь.

Внутри была кромешная тьма, и ничего нельзя было разглядеть. Глубокая тьма поглотила всё полностью, но эти воспоминания нахлынули подобно цунами, разрушая небо и землю.

Ся Сицин притворился спокойным и включил свет.

Эта комната наконец осветилась. На самом деле это была обычная детская комната с тёмно-синими обоями и потолком, маленьким письменным столом и одинокой односпальной кроватью.

Единственное отличие заключается в том, что стены увешаны картинами, написанными Ся Сицином, когда он был ребёнком.

Чжоу Цзихэн заметил, что все его окна и балконы были оборудованы железными перилами.

Это похоже на маленькую тюрьму.

— Я помню, ты спрашивал меня, когда был в «Правде или действии», почему я боюсь темноты.

Голос Ся Сицин был очень глубоким, как будто это был камень, мягко положенный на озеро и падающий тяжело и бесшумно.

— Сколько я себя помню, я плачу каждый раз, когда они ссорятся. Возможно, это повлияло на них, поэтому меня бросили в мою маленькую комнату, заперли её, выключили свет и позволили мне поразмышлять в темноте. Но в то время я ничего не понимал, я только боялся.

Он медленно подошёл к перилам балкона, схватил его за пальцы и дважды потряс ими:

— Это всё ещё очень сильно.

— В очередной раз в дом пришёл гость. Они только что закончили драку, а я продолжал плакать, поэтому, естественно, меня заперли, но я был так напуган, что выбежал на балкон и громко заплакал. Гость, казалось, услышал это. — Ся Сицин прислонился спиной к перилам и сел на землю. — Чтобы избежать повторения этой неловкой ситуации, они заперли балкон раз и навсегда.

Чжоу Цзихэн с трудом мог представить, в какой уродливой семье провёл своё детство Ся Сицин.

— О, я чуть не забыл. — Ся Сицин снял рубашку обеими руками, опустил голову и указал на старый шрам на своей талии. — Ты видел это?

— Моя мать однажды сошла с ума дома и сказала мне, что именно из-за моего рождения её жизнь пошла наперекосяк. — Глаза Ся Сицина внезапно увлажнились. — Было бы здорово, если бы меня не существовало. — Он держал свою руку виртуальной, как будто держал острое лезвие, и внезапно вонзил его в своё тело. — Она вонзила его своими руками, вытащила его, а затем заперла меня здесь.

— Она часто обнимала меня и говорила, что я был единственным произведением искусства, которое она создала в своей жизни. Но потом она так горько пожаловалась мне, сказав, что я виновник её несчастной жизни, и она должна уничтожить меня.

— Но я, — Ся Сицин наконец не смог заплакать, — я просто хочу быть её ребёнком.

Чжоу Цзихэн чуть не упал в обморок. Он шагнул вперёд и крепко обнял Ся Сицина. Этот человек наконец-то слился с человеком, который вначале тихо плакал в его объятиях, такой обнажённый и такой болезненный.

— Я был так молод в то время, всего пять лет, прямо за той дверью, я прикрывал свою рану, и мои руки были полны крови, и я душераздирающе кричал своим родителям. Но никто не пришёл, чтобы спасти меня.

— В комнате так темно, не слышно ни звука, только я, только я. — Ся Сицин дрожал всем телом, его слезы были похожи на бусинки с оборванной ниткой. — Было бы здорово, если бы кто-нибудь пришёл спасти меня в то время.

Я ожидал любви и раньше.

Я изо всех сил старался показать свой талант и научиться быть ребёнком, который не ставил бы их в неловкое положение.

Но потом я понял, что то, в чем я нуждался, было вовсе не такой роскошью, как любовь.

Мне просто нужно, чтобы кто-то открыл мне эту дверь, когда мне страшно.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/14508/1284220>